

К истории становления сталинизма

Общепризнанный провал постсоветских экономических, социальных и политических реформ, разрушение экономики и культуры, обнищание населения, криминализация управленческих структур и отношений собственности объясняют попытки нового пересмотра истории сталинского времени, включая оправдание и даже восхваление сталинизма, новое осуждение всех антисталинских оппозиций. И.В.Сталину вновь приписываются все достижения советского общества — индустриализация страны, развитие науки и культуры, социальная защищенность населения (всеобщая занятость, образование и здравоохранение, практически бесплатное жилище и т.п.) и, пожалуй, главное — победа в Великой Отечественной войне.

Прошедшее 120-летие со дня рождения И.В.Сталина (конец 1999 г.) стало поводом для высказываний многих политиков и журналистов. В официальном заявлении Президиума ЦК КПРФ, посвященном этой дате, вновь была одобрена экономическая и политическая система сталинизма. Отрицательные моменты этого явления сводятся ими к отдельным нарушениям и искажениям в целом правильной политики, к некоторым отступлениям от единственно возможного пути. Даже массовые репрессии 30-х годов, по их мнению, оказываются всего-навсего результатом "просчетов и ошибок, трагично отразившихся на судьбах миллионов людей". Они целиком оправдывают истребление антисталинских оппозиций, возглавлявшихся Троцким, Каменевым, Зиновьевым, Бухариным и Рыковым, как "примазавшихся" к революции, проводивших "рассказывание" и "раскулачивание" (?!)... Нарочито переврано время образования внутри компартии "двух партий" — "партии трудящихся" и "партии бюрократов", представляя Сталина вождем первой из этих партий, а Горбачева с Ельциным наследниками "бюрократов"¹ (Троцкого и Бухарина?).

Такое видение этих проблем — это наследие сталинских времен, не изжитое в КПРФ, и поэтому оно не удивительно. Удивительно другое — редактор "Независимой газеты" В.Т.Гретьяков, казалось бы, свободный от каких бы то ни было догм, возводит Сталина в ранг высочайших исторических деятелей России. "Сталин — это наше все. Как и Пушкин. Два полюса русской культуры, политической в том числе", — таков взгляд либерально-демокра-

¹ См.: Президиум ЦК КПРФ. Служение народу и государству // Советская Россия. 1999. 17 дек.

тического журналиста. Отмечается, что Сталин — диктатор, причем "кровавый", но вместе с тем "реформатор", да еще и "просвещенный": "кто еще из правителей в XX веке мог весьма профессионально рецензировать произведения литературы, кинематографии, театра, архитектуры, музыки?" К сожалению, при этом не называются "отрецензированные" Сталиным произведения. Отчего бы, например, не оценить "профессионализм" сталинского рецензирования произведений Шостаковича?

Больше того, Третьяков требует от других: "Не ругайте Сталина те, кто не сделал больше страшного, но не сделал и больше славного и особенно доброго..." Неясно, кому адресовано это требование: сегодняшним властителям-"прагматикам" или тем, кого автор называет "лишь сырьем, материалом, топливом для реформ" — кто должен "терпеть и ждать"¹, т.е. ко всем остальным... Появление формулы "Сталин — это наше все" свидетельствует только об одном — ее автор считает насилие над народом или, как предпочитают говорить теперь, над "населением" единственным средством "прогресса" для России. Невольно вспоминаются лежаческие строки: "В России чтут / Царя и кнут. / В ней царь с кнутом, / Как поп с крестом. / А без побой / Вся Русь, хоть вой, / И упадет и пропадет..."

Интересен еще один важный момент: и у Третьякова, и у многих других авторов восхваление Сталина, его образа мыслей и действий начисто отделены от идей социализма и коммунизма. Это уже разговор о сталинизме в "чистом" виде.

И в публицистике, и в историографии 60—80-х годов, сложилось представление о сталинизме как бюрократической командно-репрессивной диктатуре, использующей в качестве идеологического оправдания и прикрытия упрощенное и догматизированное изложение основ марксизма и коммунизма, но в действительности чуждой и тому, и другому. В спорах и обсуждениях тех лет все больше внимания привлекали условия и причины складывания после победы пролетарской революции стоящей над обществом бюрократической диктатуры.

При анализе сталинизма необходимо различать и общие условия, связанные с самой задачей строительства социализма, и условия, отражающие специфику России и, наконец, условия конкретного времени и конкретных обстоятельств. В России все было усугублено крайней сложностью общественных отношений в предреволюционный период, связанной с тем, что капитализм не стал еще определять социально-экономический строй страны в целом, что

¹ Третьяков В. Сталин — это наше все. Русское реформаторство как диктатура // Независимая газета. 1999. 22 дек.

сохранялись самодержавная монархия и мощные устои крепостничества. Демократические возможности решения общественных проблем отсутствовали. Все это придавало особенный накал, предельное ожесточение социальному противостоянию и привело к "плебейской расправе" с господствующими классами в ходе революции, к гражданской войне. Именно в этих условиях родился сталинизм и началась борьба за власть. Образно говоря, сталинизм был зачат в партийном подполье, а повивальной бабкой при его родах была гражданская война.

В революционном подполье, как известно, обитали не только идейные борцы за освобождение угнетенных и эксплуатируемых, но и те, кто возглавлял "боевые группы", расправлялся с "предателями", проводил "эксы" и т.п. Необходимость повседневно вести двойную жизнь сама по себе создавала в этой среде совершенно своеобразный морально-психологический тип индивидов, отличающихся властолюбием и беспощадностью в сочетании с двойственностью поведения, постоянным несовпадением слова и дела. Едва ли историки смогут дать определенный ответ, например, на вопросы, связанные со сталинским дореволюционным прошлым (отношения с охранкой прежде всего). Но целесообразно отметить некоторые малоизвестные моменты поведения Сталина времени революции.

До сих пор остается неизвестным где находился и каковой была деятельность Сталина 24-25 октября 1917 г. Этот пробел в биографии не был "закрыт" и в сталинской статье "Октябрьский переворот (24 и 25 октября 1917 г.) в Петрограде", появившейся на страницах "Правды" 6 ноября 1918 г. В этом номере газеты публиковался ряд статей, посвященных первой годовщине большевистской революции и содержащих, как и подобает в таких случаях, личные свидетельства о конкретных событиях. Изложение общеизвестного ("Причины переворота", "Роль ЦК партии", "Ход восстания...") в статье Сталина не дополнялось никакой собственной информацией. Статья не была включена им в собрание сочинений, а экземпляры "Правды" от 6 ноября 1918 г. были изъяты из всех библиотек и архивов страны. Объясняется это содержанием раздела "Роль наиболее выдающихся деятелей партии", который мы воспроизводим полностью: "Вдохновителем переворота с начала до конца был ЦК партии во главе с тов. Лениным. Владимир Ильич жил тогда в Петрограде на Выборгской стороне, на конспиративной квартире. 24 октября он был вызван в Смольный для общего руководства движением. Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета т. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Советов и умелой постановкой работы Военно-Революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом товарищу Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками товарища Троцкого".

Похоже на то, что в заявлении о выдающейся роли Л.Д.Троцкого и состояло назначение статьи. Нужно учесть, что 2 сентября 1918 г. был создан Реввоенсовет во главе с Троцким, а Сталин как член военсовета одного из фронтов гражданской войны оказывался в прямом подчинении РВС. Как известно, сталинская деятельность в этом качестве вызывала протесты Троцкого. Эпизод со статьей, вычеркнутой Сталиным из своей биографии, добавляет нечто очень характерное к пониманию крайней ожесточенности его борьбы против Троцкого.

Идеология и практика военного коммунизма вошли в плоть и кровь сталинизма, однако они вовсе не определяли его сущности. Уже тогда — "в младенческом возрасте" — он почувствовал самостоятельное значение собственных интересов и стал учиться выдавать их за интересы рабочего класса, всех трудящихся. Наконец, он легко менял свои идейно-политические представления и позиции в соответствии с потребностями борьбы за власть. Однако даже из условий, действительно породивших сталинизм как тенденцию бюрократической диктатуры, опирающейся на террор, вовсе не следовала неизбежность ее утверждения. В этом отношении очень выразительно запоздание ленинского открытия "необъятности власти" в руках генсека ЦК партии, когда им оказался Сталин. Этой проблемы не возникало при предшествующем секретаре ЦК РКП(б) Н.Н.Крестинском, поскольку ему была чужда жажда власти. Проблема сосредоточения "необъятной власти" в одних руках обнаружилась после избрания в апреле 1922 г. на должность генсека Сталина. В известном "Письме к съезду" (январь 1923 г.) Ленин предлагал "обдумать способ *перемещения* Сталина с этого места"¹ (курсив мой. — В.Д.). Однако искать "способ перемещения" обладателя "необъятной власти" было уже поздно. Последовавшие вслед за этим годы внутрипартийной борьбы убедительно показали, что ее подлинным содержанием была борьба революционного большевизма против утверждавшегося всевластия партийно-государственной бюрократии, против сталинского термидора. Сталину в этой борьбе действительно противостояли люди, которым личная власть была не нужна, саму идею такой власти они считали предосудительной — "трижды подлой" и "трижды сумасшедшей" (по выражению Троцкого).

Решающим фактором сталинских успехов в ликвидации оппозиций, а тем самым и становления сталинизма явилось овладение партийно-государственным аппаратом сверху донизу. Эта сфера деятельности была чужда партийным лидерам, поглощенным проблемами нэпа, перспектив строительства социализма в России и развития мировой пролетарской революции. Генсек практически сразу занялся управленческим аппаратом (в 1922 г. уже действовал учраспред ЦК во главе с Л.М.Кагановичем), а в 1923 г. на XII съезде РКП(б) он выступил с политической программой формирования

¹ См.: Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 45. С. 345, 346.

нового аппарата. В сталинском орготчете ЦК говорилось: "После того как дана правильная политическая линия, необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы... Вот почему учраспред... приобретает громадное значение". Перед ним ставилась задача "каждого работника изучать по косточкам"¹. "Учет и распределение кадров" по-сталински означали перетряхивание и замену аппарата управления, созданного в ходе революции из ее непосредственных участников, так или иначе выдвинутых событиями эпохи революции и уже поэтому достаточно самостоятельных. Теперь же началось формирование аппарата управления из назначенцев, умеющих принять директивы сверху "как свои родные и... проводить их в жизнь"². Явления бюрократизма в партийно-государственном управлении, отмечавшиеся и раньше, переросли в активный процесс формирования исполнительного аппарата "необъятной власти" генсека.

Процесс овладения аппаратом управления генсеком, оказавшимся верховным правителем, начинался сверху и спускался от этажа к этажу этой пирамиды, что требовало времени. Однако верхние звенья управления, включая, например ОГПУ, были освоены Сталиным очень скоро. Приведем очень характерный и о многом свидетельствующий эпизод. В марте 1923 г. в прессе появились официальные сообщения о болезни Ленина. Естественно, что среди населения пошли разговоры о его возможных преемниках. Как сообщалось в спецсводке ОГПУ от 24 марта 1923 г., чаще всего назывался Троцкий, затем Каменев, Рыков, Зиновьев, Бухарин и даже Дзержинский³. Но никто не вспомнил о Сталине — в обществе он был неизвестен, во всяком случае не входил в когорту вождей революции. Неприятная для Сталина информация не осталась безответной. Осенью того же 1923 г. в одной из сводок ОГПУ сообщалось о том, что "Бухарин, Зиновьев и Троцкий во время своего пребывания в Карачаеве подпали под контрреволюционное влияние..."⁴. В сводках ОГПУ за 1927 г. появились сообщения о таких высказываниях кулаков, как: "Троцкий — наш вождь" и т.п., а в 1929 г. — о контрреволюционной активности в деревне под "флагом правых" (Бухарина и Рыкова)⁵.

Такого рода "компромат", выражаясь современным языком, лишь готовил аппарат к расправе с очередной оппозицией. В июне 1927 г. Сталин требовал вывода из состава ЦК партии Троцкого, Каменева и Зиновьева, ссылаясь на осложнение отношений с Англией и якобы возникшую военную угрозу: "Нельзя укреплять тыл,

¹ Сталин И.В. Соч. М., 1947. Т. 5. С. 210, 211.

² Там же. С. 210.

³ См.: Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918-1939: Документы и материалы: В 4 т. / Т. 2. 1923-1929. М., 2000. С. 86.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ Там же. С. 601, 611, 618, 707.

поощряя гнусную роль дезорганизаторов центра страны"¹. Это о Троцком, сыгравшем выдающуюся роль в организации победы красных над белыми и над интервентами!

"Революция сверху", начавшаяся с исключения из партии Троцкого, Зиновьева, Каменева и их сторонников в конце 1927 г., означала переход к собственно сталинской политике и идеологии. Сталинская группа, получившая, наконец, большинство в политическом руководстве, сразу же отбросила те идеи и принципы, которые провозглашались до этого, пошла на слом нэпа и начала осуществлять насилие над крестьянством, получившее название "чрезвычайщины". Оказавшие сопротивление этой политике Бухарин, Рыков и их единомышленники к концу 1929 г. были отстранены от участия в политическом руководстве, что означало концентрацию всей власти в руках Сталина и переход к открытой волюнтаристской политике, не стесняемой никакими теоретическими и практическими соображениями.

Не случайно, что всегда использовавшиеся Сталиным дезинформация и прямая ложь из ограниченной сферы борьбы за власть с осени 1927 г. перешла в обоснование общей партийно-государственной политики — так называемой генеральной линии. В современной литературе показан разгром советской статистики в декабре 1925 г. Против нее были выдвинуты обвинения в преуменьшении данных о производстве хлеба в крестьянских хозяйствах и, следовательно, о возможностях государственных заготовок и экспорта, а тем самым и финансирования промышленного роста. 10 декабря 1925 г. на Политбюро ЦК РКП(б) была осуждена деятельность П.И.Попова — крупного земского статистика, возглавлявшего ЦСУ с 1918 г. Отстаивавший в прямом споре со Сталиным невысокие показатели хлебного производства и отказавшийся признать наличие огромных запасов хлеба в деревне, П.И.Попов был в тот же день отстранен от руководства ЦСУ². С этого момента ЦСУ было грубо подчинено проводимой политике и вынуждено предоставлять угодные власти сведения. Результатом этого стало, во-первых, увеличение ежегодной оценки производства зерна в среднем на 10-20%; во-вторых, резкое возрастание оценок "невидимых хлебных запасов" у крестьян, что послужило обоснованием применения "чрезвычайных мер" при проведении хлебозаготовок.

Миф о хлебном изобилии, созданный посредством немыслимых в статистике преувеличений, должен был убедить правящие верхи *в возможности* получения такого количества зерна, которое обеспечивало, наконец, решение проблемы средств для ускоренной индустриализации... Одновременно сталинское руководство должно

¹ Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. С. 25.

² См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы: В 5 т. / Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929. М., 1999. С. 17-18.

было убедить партийно-государственные верхи *в необходимости* реализовать эти возможности и любыми средствами взять у крестьянства хлеб в объеме, достаточном для решения "очередных задач". Испытанным аргументом в подобных ситуациях всегда и везде являлась внешняя опасность, особенно прямая угроза войны. В 1927 г. этот аргумент был использован сверх всякой меры для обоснования "чрезвычайных" мер и сосредоточения власти в сталинских руках.

Обострение взаимоотношений СССР с Англией в 1926-1929 гг. и с Китаем в 1927-1929 гг., отнюдь не содержащее непосредственной военной угрозы, послужило поводом для идеологического встряхивания советского общества, мобилизации сил для обострения "классовой борьбы" и осуществления "чрезвычайных мер", наконец, для проведения первых массовых репрессий, обрушившихся главным образом на деревню. Как выясняется, первые, собственно, сталинские массовые репрессии были проведены в июне 1927 г. и направлены против интеллигенции и крестьянства. В документах ОГПУ сообщалось, что "во время июньской операции" было проведено до 20 тыс. обысков и арестовано 9 тыс. человек. Арестам подвергались прежде всего "бывшие" — бывшие помещики, бывшие белые, особенно вернувшиеся из заграницы ("репатрианты"), а также "кулаки и буржуи", "торговцы", "попы и церковники"...

Сталинский замысел массовых репрессий 1927 г. отнюдь не ограничивался арестами 9 тыс. человек и расстрелами, по выражению одного из деятелей ОГПУ, представленными "сравнительно небольшой цифрой". В письме руководству ОГПУ от 26 июня Сталин требовал проведения "повальных арестов" и "показательных процессов", "публикации показаний" арестованных и уже расстрелянных (которая "имеет громадное значение, если обставить ее умело")... При этом деятелям ОГПУ разъяснялось, что "агенты Лондона сидят у нас глубже, чем кажется", в частности, обращалось внимание на "шпионаж в Военведе, авиации, флоте"¹ (где авторитет Троцкого еще оставался высоким).

Перед нами в основных чертах программа сталинских репрессий, осуществленных в 1936-1938 гг. Однако слова о "повальных арестах", "показательных процессах", иностранных "агентах" и "шпионаже" относились Сталиным отнюдь не к будущим временам. Нет никаких оснований отодвигать массовые репрессии как фактор и признак сталинизма к концу 30-х годов. Массовые репрессии являются сущностным признаком сталинизма и они гнездились в нем всегда, хотя бы как идея. В 1927 г. Сталину не удалось развязать массовые репрессии. Для страны, еще не оправившейся от бедствий и потерь, связанных с мировой и гражданской войнами, угроза новой войны не могла послужить источником духовного

¹ См.: Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 22-25.

сплочения, а тем более подъема. Напротив, она вызвала распространение антивоенных и даже пораженческих настроений. Явное сопротивление оказали к тому же Бухарин и Рыков, с которыми Сталину приходилось считаться, пока из партии не были исключены Троцкий и его сторонники.

На передний план вновь выдвинулась проблема хлебозаготовок — узловая проблема во взаимоотношениях с крестьянством. О роли государственного насилия в проведении хлебозаготовительных кампаний 1927/28 сельскохозяйственного года и последующих лет, а тем более в коллективизации крестьянских хозяйств и раскулачивании написано уже немало. Это позволяет мне ограничиться вопросами, связанными со становлением сталинизма как командно-репрессивной системы власти.

Хлебозаготовительный кризис и применение "чрезвычайных" мер послужили сталинским экзаменом для партийно-государственного аппарата, обнаружившим широкое распространение на местах, особенно в низовке, нэповских настроений и неприятие политики насилия. Знаменитые поездки по стране Сталина, Молотова, Микояна и ряда других высокопоставленных сталинистов в целях мобилизации сил на "чрезвычайные" хлебозаготовки положили начало большой чистке кадров, особенно низовых партийных, советских и хозяйственных организаций. Достаточно сказать, что за восемь дней пребывания Молотова на Урале были отстранены 1187 работников, из которых многие были исключены из партии и отданы под суд. В 1929 г. началась общая чистка партии, изгнавшая из ее состава и бывших троцкистов, и "правых уклонистов" — сторонников сохранения нэпа. И хотя кадровые чистки на всех уровнях управления продолжались до тех пор, пока не переросли в массовые репрессии, все же можно считать, что на рубеже 20-30-х годов Сталин в полной мере сверху донизу овладел аппаратом управления.

Миф о невероятных хлебных запасах деревни развеялся к лету 1928 г., но это не привело к пересмотру политики. Сталин уже не нуждался в статистической аргументации. Он мог уже объявить о введении "добавочного налога на крестьянство в интересах подъема индустрии" и о том, что этот добавочный налог будет представлять собой "нечто вроде дани"¹. Выжимание из крестьян "дани" стало сердцевиной политики в деревне на все сталинские времена. Социальное содержание этой политики было раскрыто тогда же Н.И. Бухариным как политики "военно-феодальной эксплуатации крестьянства". Второе идеологическое "открытие" Сталина того времени состояло в утверждении о все большем обострении классовой борьбы "по мере нашего продвижения вперед" к социализму. К каким действительным последствиям ведет политика обострения классовой борьбы очень точно было показано тогда же в ответе Бухарина:

¹ См.: *Сталин И.В.* Соч. М., 1949. Т. 11. С. 159.

"...У самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну или подохнуть с голоду и лечь костями"¹. Предвидение Бухарина, к сожалению, сбылось: сталинская "революция сверху" сопровождалась и фактической гражданской войной против крестьянства, и голодом, унесшим миллионы жизней.

Одновременно с нарастанием государственного насилия шел процесс усиления роли карательных органов и их самостоятельности. "Директива ОГПУ и НКЮОстам" (т.е. народным комиссариатам юстиции союзных республик) от 3 октября 1929 г. предписывала "принять решительные и быстрые меры репрессий, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения на совпартработников и другие контрреволюционные выступления...", осуществляя эти меры, "когда требуется особая быстрота... через ГПУ", т.е. во внесудебном порядке. По "предварительным" (не вполне полным) данным, уже к 24 октября 1929 г. органами ОГПУ (кроме органов НКЮОста) в связи с хлебозаготовками были арестованы на селе 17 904, а к концу 1929 г. — 49 068 человек. Общее число арестованных сельских жителей за 1929 г. составило 95 208 человек (с дополнением арестами на почве религиозного сопротивления, коллективизации и т.п.)². Это было лишь началом систематических арестов в деревне. Директива от 3 октября 1929 г. была направлена в скорое будущее, планируемое сталинским руководством для деревни.

Исследование раскулачивания и депортации бывших кулаков в отдаленные районы страны в нашей историографии велось под углом зрения коллективизации крестьянских хозяйств. Они рассматривались как слагаемые единого процесса преобразования деревни, прежде всего как средство преодоления крестьянского сопротивления. И это, без всякого сомнения, является одной из главных функций раскулачивания. Однако есть основания посмотреть на все это и под углом зрения ускоренного формирования армии принудительного труда — армии дешевой и мобильной рабочей силы для промышленных строек, лесозаготовительных работ, освоения необжитых районов и т.п.

Мы еще многого не знаем о той "дьявольской кухне", в которой готовились сталинские решения. Известна истерика Н.И.Бухарина по поводу записки А.И.Микояна, которая обсуждалась на Политбюро 17 мая 1928 г. и в которой предлагалось форсирование промышленного экспорта. Сталин на всякий случай отмежевался от позиции Микояна как "неправильной" и от его же "каких-то (мне неизвестных) эмпирико-практических соображений". Однако действительное значение микояновских "соображений" Сталину было прекрасно известно. Имелся в виду экспорт леса, а его увеличение предполагалось

¹ Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М, 1989. С. 264.

² См.: Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД... Т. 2. С. 1017, 1038.

обеспечить созданием в районах лесозаготовок концентрационных лагерей, план которых разрабатывался комиссией Янсона.

Н.В.Крыленко в статье, опубликованной в "Правде" 17 марта 1930 г., сообщал: "На основании резолюции СНК РСФСР 29 мая 1929 г. сейчас не практикуется уже лишение свободы на срок меньше года. Предложено в максимальной степени развить систему принудительных работ. Проведен ряд мероприятий по использованию труда лиц, осужденных на срок свыше 3 лет, на общественно необходимых работах в специальных лагерях в отдаленных местностях". 28 мая 1929 г. — день принятия съездом Советов СССР первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, ориентированного на весьма ускоренную индустриализацию страны. Значит, буквально на следующий день сталинское руководство приняло решение, которое выглядело как "эмпирико-практическое", но тайно готовившееся довольно длительное время. Решение "в максимальной степени развить систему принудительных работ" фактически перечеркивало только что принятый пятилетний план, сохранявший все же и рыночные основы экономики, и систему мелкого крестьянского хозяйства. На основе решения 29 мая 1929 г. были созданы системы Гулага, а с 1930 г. — еще и спецпоселений для семей раскулаченных. Основную массу "населения" и там, и там составляло крестьянство.

"Великий перелом", о котором Сталин объявил в ноябре 1929 г., не имел ничего общего с действительностью социально-экономического развития — не было ни якобы огромного роста производительности труда в промышленности, ни возникшего будто бы массового колхозного движения в деревне. Применительно к тому времени говорить о "великом переломе" можно лишь в одном смысле: Сталин впервые получил возможность навязать партии, стране собственные взгляды, оценки, методы, свою политику — политику диктаторского волюнтаризма, с неизбежностью сопровождавшуюся огромными человеческими и материальными потерями. С наибольшим ущербом и прямыми бедствиями сталинский волюнтаризм проявился в пересмотре заданий первого пятилетнего плана народнохозяйственного строительства СССР (1928/29-1932/33 гг.). Как известно, план был принят и стал государственным законом в мае 1929 г. Намечался действительно огромный прорыв в области индустриализации страны и кооперирования сельского хозяйства. Достаточно сказать, что валовая продукция крупной промышленности должна была возрасти в 2,8 раза, а отраслей, производящих средства производства, — в 3,3 раза. В частности, развертывание черной металлургии планировалось, исходя из расчета увеличения выплавки чугуна с 3,3 млн т в 1928 г. (77,8% к уровню 1913 г.) до 10 млн т в 1933 г. Это задание считалось очень трудным, но возможным. Оно являлось одним из компонентов "оптимального варианта", который был принят. ("Отправной вариант", поддерживаемый Н.И.Бухариным и А.И.Рыковым, предполагал на последний год пятилетки 8 млн т.)

Преобразование сельского хозяйства становилось непосредственной задачей аграрной политики, темпы его возрастали в соответствии с возможностями технической реконструкции и обеспечением других предпосылок для коллективизации. К концу 1933 г. было намечено объединить в колхозы до 18-20% крестьянских хозяйств. Колхозное строительство должно было базироваться на массовом вовлечении крестьян в первичные формы сельскохозяйственной кооперации. Ставилась задачи к этому же сроку провести кооперацию 85% крестьянских хозяйств.

"Оптимальный вариант" первого пятилетнего плана был на самом деле максимальным, и любая попытка еще большего увеличения тех или иных заданий могла привести только к перенапряжению сил страны, к материальным и человеческим жертвам, а в конечном счете — к срыву плана, что и случилось в действительности. Форсирование сплошной коллективизации миллионов крестьянских хозяйств, доходившее до попыток ее проведения в зерновых регионах по сталинским директивам за год-полтора и даже, как требовал В.М.Молотов, "в течение весенней посевной кампании 1930 г.", означало отказ от кооперативного плана и его основных принципов. Широкое использование принципов принуждения, раскулачивания (местами до 15% крестьянских хозяйств) причинили ничем не оправданный и не поддающийся измерению ущерб. За 1929-1932 гг. оказалась истребленной половина поголовья скота.

Безмерное форсирование имело место и в промышленности. Принятое в апреле 1929 г. задание довести за пятилетку выплавку чугуна до 10 млн т сталинскому руководству показалось недостаточным. В январе 1930 г. это задание было увеличено до 17 млн т! Причем оно выдвигалось перед всеми партийными, профсоюзными и общественными организациями "как важнейшая народнохозяйственная задача". Сталинский "большой скачок" в металлургии (и в ряде других отраслей индустрии) привел к дезорганизации промышленного строительства, к крайнему осложнению экономической ситуации и напрасной растрате материальных и человеческих сил. Одним из результатов было невыполнение плана по части металлургии: в последний год пятилетки страна не получила не только 10 млн т чугуна, но и 8 млн т, которые считал вполне достижимым даже такой "постепеновец", каким был В.Г.Громан (возглавлявший разработку "отправного варианта" плана пятилетки). В 1932 г. в стране было выплавлено 6,2 млн т чугуна. Волонтаритское задание не было выполнено и в 1940 г., когда выплавка чугуна в стране достигла 14,9 млн т.

Заметим, что при оценке всех этих цифр не было никакой возможности сослаться на отсутствие опыта в планировании, на право на ошибку, на "неизведанность путей" и т.п. Что означало дополнительное увеличение задания пятилетки по производству чугуна на 7 млн т за три года? Это было равноценно заданию начать заново, полностью завершить строительство и пустить в ход семь (!)

Кузнецких или Запорожских металлургических заводов с проектной мощностью 1 млн т чугуна каждый, или три Магнитогорских комбината с проектной мощностью 2,5 млн т. Состояние и перспективы уже строившихся Кузнецкого, Запорожского и Магнитогорского заводов в начале 1930 г. говорили со всей определенностью, что для их пуска потребуются времени и сил гораздо больше. На Магнитке и в Кузнецке в 1932 г. были получены лишь первые плавки на первых донах, от которых до "большого чугуна" оставались еще годы работы. Проектной мощности они достигли в 1934-1936 гг.¹ Символом первой пятилетки стал не "большой чугун" (вообще не готовая продукция), а "котлован". Платоновский образ того времени был не художественным вымыслом, а "всего-навсего" фиксацией действительности, ее видимого проявления.

Другим — поистине ужасным! — результатом сталинского выполнения "Пятилетки в четыре года" явился голод 1932-1933 гг. в сельских местностях Украины, Северного Кавказа и Дона, Нижней и Средней Волги, Южного Урала и Казахстана. И этот результат также не был непредвиденным. С 1928 г. мероприятия, связанные с хлебозаготовками, неизменно сохраняли "чрезвычайный" характер и каждый последующий год был началом на пути к массовому голоду и смертным исходам: признаки их появились весной 1930 г., а зимой 1931/32 г. стали

фактом. Однако любые предупреждения и информации отвергались сталинским руководством как паникерские или враждебные.

Итоги "пятилетки в четыре года", объявленные "великой победой" сталинского руководства, делали неизбежными массовые репрессии против "вредителей" и "врагов народа", будто бы искажавших планы и срывавших их исполнение. Мы знаем, что Сталин пытался начать массовые репрессии еще в 1927 г., но тогда ему помешали "правые уклонисты". После же окончания первой пятилетки, во-первых, не было сопротивления внутри партии и, во-вторых, сталинскому руководству в целом было необходимо устранить тех, кто противостоял ему внутренне — остатки большевизма. Именно его сторонники объявлялись главными "врагами народа", виновными во всех потерях и бедах. Вслед за ними устранялись те, кто были непосредственными исполнителями директив и знали, как все было на самом деле... Однако и в 1936-1938 гг. основную массу репрессированных составляло, главным образом, деревенское простолулье.

Массовые репрессии 30-х годов явились завершением сталинского термидора. Их конечным результатом было формирование нового правящего класса — класса командно-репрессивной системы управления, которому предстояло завершить в 1991 г. термидорианский переворот, разрушивший советское общество.

Сталинизм по природе своей антисоциален и поэтому бесполезно искать в рабочем классе, крестьянстве или интеллигенции

¹ См.: *Данилов В.П.* Феномен первых пятилеток // *Горизонт*. 1988. № 5. С. 31-34.

социальный слой, интересы и настроения которого создали сталинскую диктатуру. Это была чисто бюрократическая диктатура, которая в ходе своего становления и развития воспроизводила в расширенном масштабе собственную социальную опору — бюрократическую среду, не зависящую от всех других классов и слоев общества. Поэтому в сколько-нибудь полной и законченной форме сталинизм недолговечен, впрочем, как и его наследница — бюрократическая "демократия"¹.

¹ См.: *Данилов В.П.* Падение советского общества: Коллапс, институциональный кризис или термидорианский переворот? // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год. М., 1999. С. 11-28.

² Сошлось хотя бы на 20-летнюю историю Особых совещаний, действовавших при органах НКВД—МВД, или на то, что приговоры по важнейшим политическим процессам предварительно утверждались руководством страны, как было при Сталине, Хрущеве, Брежнев.